

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. Н. Басилов, В. П. Кобычев

ГАЛГАЙ — СТРАНА БАШЕН *

Мы одни в целом ауле. Лишь из бойницы ближайшей башни доносится приглушенное воркование диких голубей. Некогда здесь кипела жизнь, звучали голоса, раздавался шум работ. Порой гремели и выстрелы — тогда ингушские селения с их жилыми и боевыми башнями в мгновение ока превращались в неприступные крепости. Но сегодня старинные башни безмолвны, как и окружающие их склепы с останками строителей этих каменных твердынь...

Население давно покинуло древний Галгай — обширный район горной Ингушетии, охватывающий верхний бассейн реки Ассы. Частично покинута и долина реки Армхи. Так завершился процесс, начавшийся более двух столетий назад. Земельный голод гнал ингушей из прадедовских башен на равнину — в более удобные для жизни места. После присоединения Ингушетии к России, а особенно с установлением Советской власти на Кавказе, переселение горцев приняло массовый характер. К середине 20-х годов свыше 80 % ингушей выселилось на равнину. Галгай, бывший некогда политическим и культурным центром Ингушетии, пришел в совершенное запустение. Уже на исходе 20-х годов известный советский экономист В. П. Христианович назвал его «страной предков», в которой «все в прошлом».

Человек, попавший в горную Ингушетию в наши дни, видит печальную и вместе с тем величественную картину мертвых аулов. Солнце, ветер и дожди неумолимо разрушают творения местного зодчества — древние башни и склепы, когда-то воздвигнутые ценой огромных усилий. Частые землетрясения довершают эту разрушительную работу. И очень скоро на месте всех этих селений останутся лишь груды развалин. Именно поэтому понятен тот энтузиазм и живейший интерес, с которыми отправились мы в поездку по древнему Галгаю.

* Статья написана на основании полевых материалов, собранных Чечено-Ингушским отрядом Северо-Кавказской экспедиции Ин-та этнографии АН СССР в 1970 г. В экспедиции принимали участие сотрудники Института В. П. Кобычев (начальник отряда), В. Н. Басилов, Л. С. Шейнбаум, архитектор Ю. В. Стеблюк, и аспирант Чечено-Ингушского Научно-исследовательского института истории, языка, литературы и экономики И. Магомадов. В апреле — мае 1970 г. мы посетили селения Ольгете, Нижнее Хули, Эрзи, Хамышки, Терш, Салги, Магьт, Лялах, Хени, Кязы, Пуй, Хамхи, Эгикал, Отзык, Таргим, Евлой, Пялинг, Вовнушки, Бирк, Меши, Цызды, Керби, Меллер и ряд других более мелких хуторов и старых городищ.

Горные ингушские селения в большинстве своем невелики, в них редко больше одного-двух десятков дворов¹. Немало и совсем крохотных селений, — из одной-двух башен с пристроенными к ним загонами для скота. Даже «стольный» аул Эрзи в Джерахском ущелье был известен у хевсур под названием «девятибашенного села»². Правда, некоторые источники свидетельствуют, что в Эрзи было около полусотни дворов, но здесь имеется в виду, скорее всего, целая группа сел и хуторов, связанных экономическими и родственными нитями³.

Разбросанные на расстоянии 300—600 м одно от другого на склонах ущелий, на вершинах холмов-останцев, на гребнях водораздельных хребтов, горные ингушские селения тянутся непрерывной цепью вдоль речных долин. Они полны неповторимой красоты и очарования. Недаром в литературе за ними утвердились поэтические названия «каменное чудо», «каменная сказка». При выборе места поселения важны были соображения безопасности — селились в самых труднодоступных и укромных уголках. Кроме того, из-за острой нехватки в горах плодородных земель под застройку отводились как правило непригодные для земледелия участки. Чем древнее селение, тем выше взбирается оно по склону горы, тем глубже прячется в лесах и расщелинах скал. Так, наиболее старыми аулами в Джерахском ущелье считаются Кербите, Кайрах и Магьт. Они давно заброшены. Кербите прилепилось к краю высокого хребта, круто обрывающегося к реке Армхи⁴. Кайрах притаился в глубокой лощине. Магьт словно взлетел на вершину высокой скалы. Старинные аулы служили укреплениями, защищавшими жителей от нападений врагов. Об этом говорит и их взаимное расположение: из одного села хорошо просматриваются башни другого. Если враг приближался к какому-либо селению, жители могли быстро оповестить об этом всю округу.

Основная черта ингушской архитектуры — оборонительное назначение построек. Ядро аулов составляют приземистые массивные жилые башни с плоскими крышами. К ним иногда примыкают похожие на минареты боевые башни с крышами в виде ступенчатой пирамиды и навесными балкончиками. На окраине селения обычно расположен некрополь — наземные и полуподземные склепы в виде боевых башен или маленьких домиков с двускатной крышей. Отпечаток беспокойной эпохи несет на себе и культовая архитектура: в святилище Маги-ерды, например, узкие прорезы окон обращены раструбом внутрь, как бойницы. Совокупность жилых и боевых башен образует как бы единую неприступную крепость, все подходы к которой перекрыты прямым и флангирующим огнем. Особенно показательно в этом отношении селение

¹ Об этом писали многие исследователи XIX в.: «...Ближние кистины живут на реке Кистинке в 32 аулах, самый большой из которых состоит из 20 дворов» (А. П. Берг же, Чечня и чеченцы, «Кавказский календарь на 1860 г.», Тифлис, 1859, стр. 82). Аналогичные сведения сообщает Н. Ф. Грабовский: «...две-три каменные постройки, вмещающие в себя несколько семейств, составляют горский аул», см.: «Сборник сведений о кавказских горцах», (далее ССКГ), вып. 3, Тифлис, 1870, стр. 2.

² А. И. Робакидзе, Жилища и поселения горных ингушей, «Кавказский этнографический сборник» (далее КЭС), вып. 2, Тбилиси, 1968, стр. 69.

³ «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», т. IV, Тифлис, 1870, стр. 904. Сравни у С. Броневского: «Каждое колено (в Ингушетии) разделяется на малые общества или союзы, заключающие в себе несколько деревень, из которых одна признается главою союза или сборным местом и обыкновенно все общество называется по имени главной деревни», С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 2, М., 1823, стр. 157.

⁴ По сведениям, собранным Б. В. Гамкрелидзе, аулу Кербите предшествовало еще более древнее поселение Кирайт, находившееся выше его в «недоступном месте». (См. Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе, К вопросу о нахской этнонимике, КЭС, 2, Тбилиси, 1968, стр. 32).

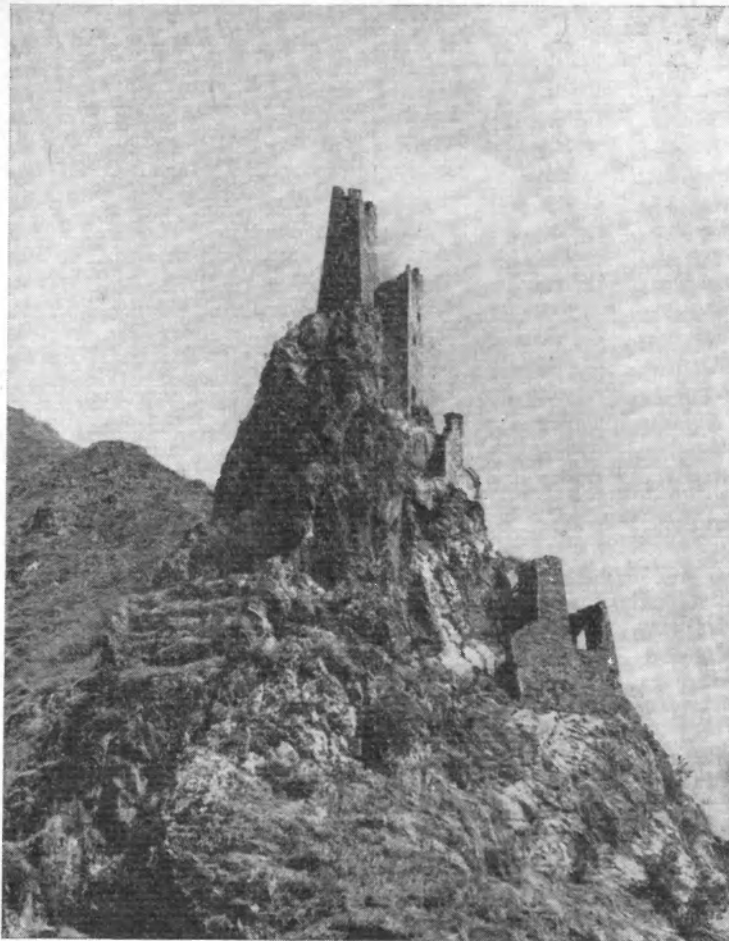

Рис. 1. Замок в сел. Вовнушки. Фото В. П. Кобычева

Цызды, образованное девятью жилыми башнями, расположенными по кругу вплотную одна к другой.

В башнях можно было укрыться не только от внешнего врага, но и от односельчан в случае ссоры. В связи с этим любопытны две боевые башни, стоящие в северо-западной части селения Пялинг. Одна из них, построенная выше по склону, занимает более выгодное положение (и скорее всего построена позже другой: неразумно было бы возводить нижнюю башню на ее теперешнем месте, если бы верхняя уже стояла). Мы вряд ли когда-нибудь узнаем, почему хозяева нижней башни позволили соседям построить верхнюю, ставившую под обстрел их крыши и дворы. Но можем догадаться, что это им не нравилось: арочное окно нижней башни, обращенное в сторону верхней, заложено камнями.

Влиятельные семьи предпочитали селиться и жить особняком, рассчитывая в случае опасности на свои собственные силы. Об этом свидетельствуют отдельные селения хуторского типа, напоминающие феодальные замки. Значит, социальное расслоение в период возникновения башенных селений у ингушей зашло далеко.⁵ В дальнейшем этот процесс по неясным пока для нас причинам приостановился, и возможно

⁵ Подробнее об этом см.: С. П. Умаров, О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи средневековья, «Археолого-этнографический сборник», вып. 3, Грозный, 1969, стр. 174.

именно поэтому мы так и не находим в горах Ингушетии даже следов феодальных укреплений владельца, господствовавшего над целой округой, или, наоборот, незащищенных поселений зависевшего от него крестьянства.

О чем молчат башни

Руины ингушских селений таят в себе немало загадок: Когда были воздвигнуты все эти каменные громады? Какой народ был их строителем? Чьи предки покоятся в бесчисленных склепах? На первый взгляд, здесь, кажется, все ясно: и башни, и склепы, и святилища оставили нам далекие предки ингушей. Но вот что удивительно: еще сто лет назад ингушский этнограф Чах Ахриев записал со слов стариков предания, согласно которым все эти башни были возведены какими-то мифическими «джелтами» (по мнению Чах Ахриева, греками)⁶. А по сведениям П. И. Головинского, склепы в верховьях Бамутского ущелья носят у ингушей название «могилы тиндов», неизвестного народа, обитавшего, якобы, в этих местах до прихода вейнахов⁷. О циклопической же стене возле селения Дошхакле старики говорили Л. П. Семенову как о постройке дэвов, живших в Ингушетии до легендарных нартов⁸. Пещерные погребения у селения Фуртоуг в Джерахском ущелье старожилы приписывают осетинам, некогда вытесненным за Терек ингушским героем Ахри⁹. Во всех этих преданиях отдельные исторические факты так тесно и причудливо переплетены с беспочвенной фантазией, что брать их за основу для гипотез невысказано. Расспросы местных жителей тоже дают мало: ведь башни и склепы давно уже стали для ингушей лишь памятниками седой старины, сооружать их перестали без малого два века назад. И хотя старики до сих пор помнят имена полупо- легендарных основателей селений и рассказывают о многих обычаях, связанных со строительством этих селений, на основании сообщенных ими сведений нельзя ответить на вопрос, как возникла оригинальная культура башенных поселений Галгая. Решить эту проблему можно только путем анализа самого развития ингушской архитектуры, выяснения ее истоков.

Ряд деталей в оформлении башен, строительные приемы показывают, что ингушская архитектура прошла несколько различных стадий в своем развитии. В этнографической литературе уже неоднократно, хотя и в самых общих чертах, высказывалось мнение о том, что ингушские жилые башни возникли гораздо раньше боевых. «По кладке и общей композиции,— отмечал Л. П. Семенов,— они несравненно примитивнее боевых»¹⁰. «Древнейшими из них, судя по сравнительному материалу,— пишет А. И. Робакидзе,— нам представляется жилая башня»¹¹. Это мнение не было подкреплено доводами, но его можно обосновать. Так, верхние окна боевых башен защищены навесными балкончиками без пола. Их называют «машикули». Для жилых башен машикули не характерны. Но в долине Армхи есть одна жилая башня с машикулями. Что это — случайное отступление от общего стиля? Нет, это стиль, свойственный более раннему времени. Установить это мы

⁶ Чах Ахриев, Ингуши (их предания, верования и поверья), ССКГ, вып. VIII, Тифлис, 1875, стр. 6, 7.

⁷ П. И. Головинский, Чеченцы, «Сборник сведений о Терской области», вып. I, Владикавказ, 1878, стр. 249.

⁸ Л. П. Семенов, Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг., Грозный, 1963, стр. 72, 97, 115.

⁹ В. И. Долбежнев, Могильник Челиш-кив, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 13, Тифлис, 1892, стр. 138—139.

¹⁰ Л. П. Семенов, Указ. раб., стр. 38.

¹¹ А. И. Робакидзе, Указ. раб., стр. 43—44 и примечание 7; см. также: Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе, Указ. раб., стр. 35.

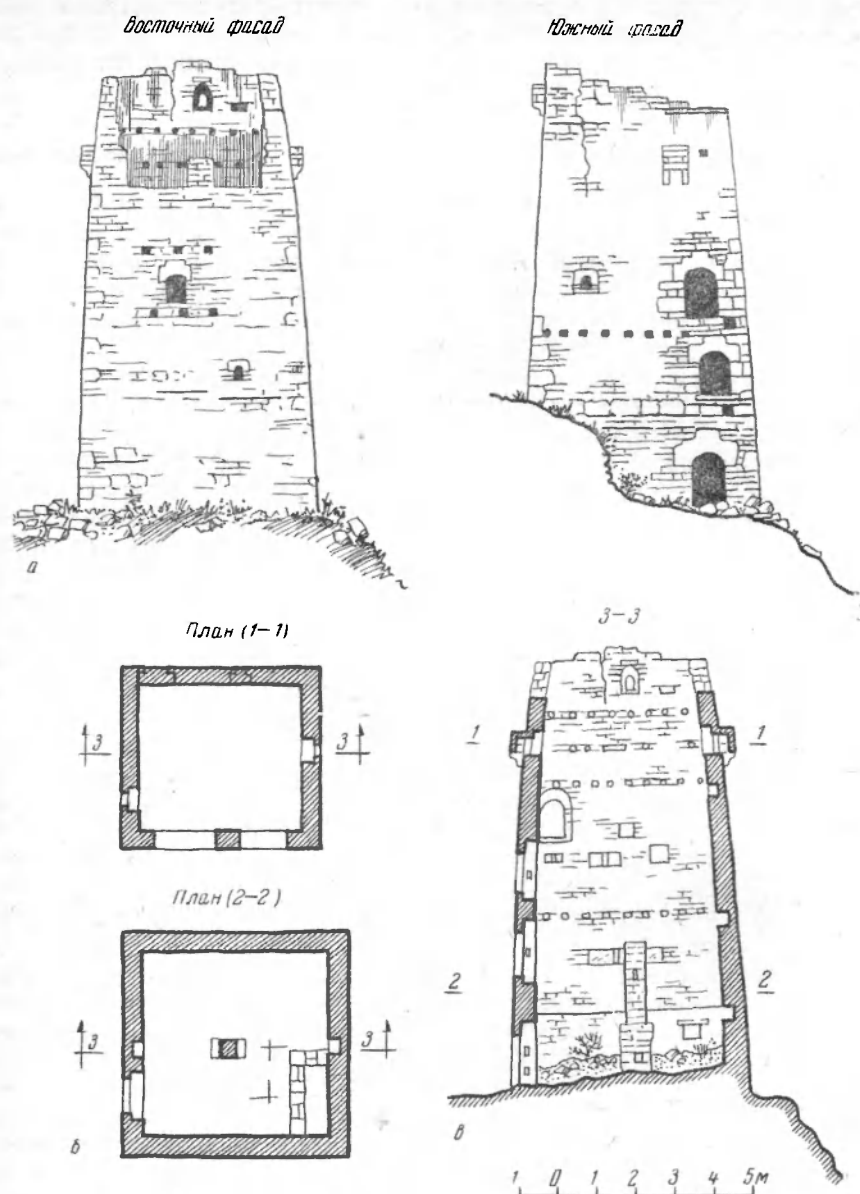

Рис. 2. Жилая пятиэтажная башня с машикулями в сел. Кяхк (рис. Ю. В. Стеблюка). а) южный и восточный фасады, б) планы первого и пятого этажей, в) разрез

смогли, изучив селения бассейна реки Ассы. Здесь жилые башни с машикулями встречаются во многих аулах. Навесной балкончик у небольшого, как бойница, окна на жилой башне ясно говорит о том, что некогда жилая башня исполняла роль и оборонительного сооружения. С появлением особых боевых башен, которые отражали усилившееся общественное расслоение, жилые башни потеряли защитные балкончики. Иными словами, поздние боевые и жилые башни восходят к единому прототипу — жилой башне с машикулями, т. е. башне с неразделенными функциями. Но и жилые башни с машикулями различаются между собой. Так, в бассейне реки Ассы встречаются руины башен со своеобразными лоджиями-чердаками, расположенными выше жилых помещений. Они близки по облику к башням соседней Хевсуретии. Труд-

но сказать, локальный ли это вариант, порожденный хевсурским влиянием, или ранний этап развития местной архитектуры.

Эволюция ингушского зодчества прослеживается и в приемах каменной кладки. Так, дверные и оконные проемы в башнях выложены, как правило, в форме полукруглой арки. Но перекрытие арки выполнено разными способами. Иногда это округлый выем, вытесанный в крупном каменном блоке (видимо, древнейший способ). В других случаях вместо одного монолита употреблены два плотно подогнанных каменных блока (очевидно, это следующий этап). А набор камней, образующих дугу арки, знаменует дальнейшее накопление строительного опыта, в итоге которого и появилась классическая арка с замком. Конечно, было бы ошибкой полагать, что по одной форме перекрытия арок можно судить о времени постройки сооружения. Нередко в одной и той же башне разные проемы перекрыты различными способами: рядом с древним монолитом соседствует классическая арка или набор камней, воспроизводящий технику ложного свода.

Сама арка — довольно позднее достижение местной архитектуры. Это следует, в частности, из того, что верх оконных и дверных проемов оформлялся в виде закругленной арки только с внешней стороны. Внутри же арка немного шире, имеет стрельчатую форму и образована посредством последовательного напуска камней. Этот способ («ложный свод») известен в горах Ингушетии очень давно — так перекрыты все склепы, в том числе самые древние. Таким образом, при строительстве внутренней, непарадной стороны арок использовался более древний строительный прием. Вообще, видимо, арка появилась здесь сравнительно поздно: лазы в склепах перекрыты массивной плитой. В силу консервативности культовой архитектуры склепы сохранили наиболее архаичные особенности местного зодчества.

Напластование в ингушских постройках различных технических приемов — от примитивных до более совершенных, к тому же генетически связанных между собой, убеждает в том, что местная архитектура развивалась преимущественно на основе накопления собственного опыта, а не под воздействием каких-то внешних влияний. Явная приемственная связь с памятниками эпохи бронзы заставляет искать истоки каменного зодчества ингушей в глубокой древности. Но такое заключение, если его оставить без оговорок, будет однобоким. Башни, выложенные из камня, несут на себе следы влияния и деревянной строительной техники.

На чем основывается такой вывод? Первый аргумент — «гурты» (ингушск. моартол), своеобразные каменные дуги, перекрещивающиеся под округлым сводом перекрытия второго этажа многих боевых башен. Иногда гурты сооружались и на внутренней стороне крыши боевой башни. Эти «крестовины» как бы поддерживают свод и, по мнению некоторых архитекторов, конструктивно необходимы. Однако наши наблюдения не подтверждают этой точки зрения. Во-первых, гурты встречаются и под двускатной кровлей некоторых склепов (например, в окрестностях аула Бирк), хотя тут в них нет никакой конструктивной необходимости. Обычно они отсутствуют в склепах с двускатной кровлей. Во-вторых, в одной хорошо сохранившейся боевой башне аула Меши гурты как бы недостроены: они далеко не доходят до центра купола, это лишь отрезки гуртов. Следов ремонта или позднейших переделок заметно. В этом случае также трудно найти конструктивное обоснование гуртам. В-третьих, гурты встречаются и в виде украшений на круглых в плане склепах с купольным перекрытием. Два таких склепа можно и сегодня видеть в окрестностях Эрзи. Каждый из них украшен семью (международное сакральное число) гуртами, расходящимися радиально от вершины купола и заканчивающимися примерно в метре от основания склепа. Гурты здесь расположены с внешней стороны купола и могут

быть объяснены только как пережиток какой-то декоративной традиции. В-четвертых,— и это главное — отдельные полуразрушенные башни позволяют понять, как держались камни гуртов и свода. Недалеко от Эрзи высится башня, развалившаяся так, словно сказочный богатырь рассек ее сверху донизу своим волшебным мечом. Башня с похожим разломом есть и среди руин аула Евлой. Гурт восточной стены эрзинской башни упал, обнажив прилегавшую к нему кладку свода второго этажа. И только там, где находился прежде гурт, разлом имеет ровную плоскость. Следовательно, гурт был пристроен впритык к каменной кладке свода и не представлял собой несущую конструкцию. Он не только не поддерживал свод, но и был даже инородным телом в кладке и утяжелял купол.

В отличие от остальной части свода гурты заботливо оцементированы и побелены так, что очертания камней скрыты под обмазкой и гурт выступает как нечто целое, наподобие прямоугольной в сечении балки. А в том месте, где все четыре гурта сходятся под центром купола, строители неизменно оставляли небольшой квадратный выем — как бы для столба, подпиравшего балки перекрытия. Использование каменных гуртов в качестве декоративных деталей приводят нас к такой мысли: не восходит ли обычай украшать каменный свод изнутри гуртами к деревянным постройкам? Не воспроизводят ли каменные гурты форму деревянных балок, которые некогда поддерживали кровлю?

Тип жилища, в котором кровля держится на перекрещивающихся или соединяющихся в центре балках-жердях, в прошлом был широко распространен. Это древняя форма передвижного разборного жилища, известная у тюркских народов под названием «алачик» (алачуг, ала-сык, лочиг и др.). Такой тип жилища еще в советские годы сохранялся у кумыков, азербайджанцев и узбеков — карлуков¹². У нас нет пока данных для предположения о том, было ли подобное жилище самостоятельно изобретено в древности предками ингушей, или появилось под влиянием тюркских народов.

Второй аргумент — кровли. Канонами деревянной архитектуры определены, скорее всего, и ступенчатые кровли ингушских склепов, храмов и боевых башен. Они двух типов: двускатные (у склепов и храмов) и четырехскатные (у склепов и боевых башен). Кровля представляет собой чередование слоев каменной кладки с прослойками из черных шиферных плиток. Двускатная крыша завершается каменным коньком-гребнем, а четырехскатная (пирамидальная) — заостренным белым камнем, придавливающим верхний ряд шиферных плиток. По мнению Л. П. Семенова, ступенчатая кровля — не что иное, как декоративно оформленный простейший ложный свод¹³. Шиферные плитки при этом могли играть роль водостоков, предохранявших всю конструкцию от разрушительного действия осадков. Однако возможна и другая интерпретация. Исследователи давно уже обратили внимание на поразительное сходство общего облика покрытий ингушских склепов, храмов и боевых башен с крышами буддийских пагод Восточной и Юго-Восточной Азии, которые, как известно, первоначально строились из дерева¹⁴. Кроме того, конструкция свода боевых башен и похожих на них склепов чрезвычайно близка к устройству перекрытия в жилищах типа тун — дарбази — карадам. Этот тип жилища в своей исходной форме был деревян-

¹² См. М. В. Кулиева, Кибитка на яйлагах кочевых тюрок Казахского уезда, «Изв. общества обследования и изучения Азербайджана», № 5, Баку, 1927; Б. Х. Кармышева, Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана, «Изв. отделения общественных наук АН Таджикской ССР», вып. 10—11, Сталинабад, 1956; С. Ш. Гаджиева, Кумыки, М., 1961, стр. 204—205.

¹³ Л. П. Семенов, Указ. раб., стр. 63, 64.

¹⁴ См. например, А. Дирр, В Тагаурской и Куртатинской Осетии, «Изв. Кавказского отделения Русского географического общества», т. 21, вып. 3, Тифлис, 1912, стр. 265.

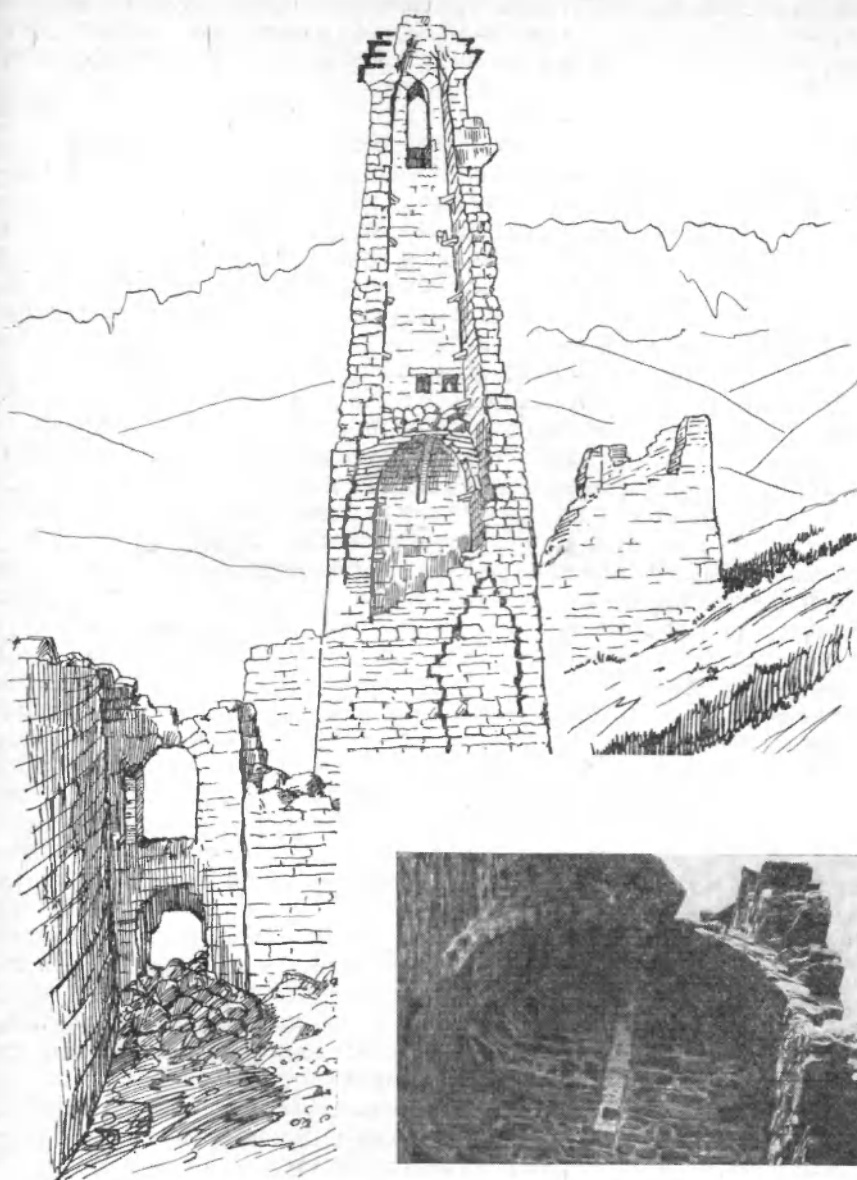

Рис. 3. Полуразвалившаяся боевая башня в сел. Евлой (рис. Ю. В. Стеблюка).
На врезке фрагмент боевой башни из сел. Хамышки (фото В. П. Кобычева)

ным¹⁵. В восточных районах Чечено-Ингушетии, в бывшем «Чаберловском обществе», сохранились жилые и хозяйственные постройки с перекрытием, выполненным способом ложного свода с последовательным перерезанием углов в каждом ярусе кладки. Близость этой формы жилища с тун — дарбази — карадамом в свое время отметил А. И. Робакидзе¹⁶. Ступенчатые и ступенчато-пирамидальные перекрытия распространены не только в Чечено-Ингушетии, но и в соседних районах Северной Осетии и горной Грузии (в Хевсуретии), а в виде рудиментов — и в неко-

¹⁵ М. И. Ильина, Древнейшие типы жилищ Закавказья, М., 1946. Срубные башни со ступенчато-пирамидальным перекрытием известны на Кавказе (в Колхиде) с первых веков н. э. (см. Витрувий, Десять книг об архитектуре, т. I, М., 1936, стр. 41—42).

¹⁶ А. И. Робакидзе, Указ. раб., стр. 47, 48.

торых районах Дагестана. Во всех этих районах в прошлом была широко распространена деревянная архитектура, которая в ряде случаев, как, например, в Дагестане, предшествовала каменному зодчеству¹⁷.

Склепы, храмы, знаки

Распространение ислама в Ингушетии не сопровождалось разрушением домусульманских культовых памятников. Эта терпимость, возможно, объясняется сложностью политической обстановки, в которой происходило внедрение новой религии в Ингушетию, одержавшей здесь окончательную победу лишь во второй половине XIX в. Воплощенные в камень свидетельства прежних верований ингушей встречаются в селениях на каждом шагу. Самые многочисленные и выразительные из них — склепы, разбросанные группами и поодиночке на окраинах селений, на ближних полях и горах. Изредка склепы можно встретить и в самих аулах, рядом с жилыми домами (селения Эгикал, Хамышки). Есть склепы полуподземные и наземные. Полуподземные конструктивно в основном однородны: это — низкая прямоугольная в плане камера, сложенная из камня в грунте или выбитая в скале. Все они перекрыты отлогой двускатной крышей из массивных каменных плит, положенных напуском одна на другую. Наружу выступает только часть торцовой фасадной стены, в середине которой устроен небольшой четырехугольный лаз. Наземные же склепы весьма разнообразны по форме. Среди них можно выделить склепы с прямоугольным основанием и двускатной ступенчатой крышей, напоминающие небольшие домики; склепы с открытым преддверием с фасадной стороны («с лоджией»); прямоугольные в плане постройки, увенчанные гладкой двускатной крышей; «башенные» склепы, имитирующие боевую башню; «башенные» склепы с островерхими зубцами на углах; наконец, круглые в плане склепы с купольным (полусферическим) перекрытием. Наземные склепы неоднократно служили предметом исследования этнографов и археологов, но причина разнообразия форм так и не выяснена. Предполагается лишь, что наземные склепы возникли позже полуподземных, восходящих своими традициями к эпохе бронзы и раннего железа¹⁸. Чеченские материалы, однако, опровергают и этот вывод¹⁹. К позднему времени, безусловно, относятся башенные склепы всех видов. Но ответить на вопрос, что более архаично — склепы с двускатной крышей или, допустим, круглые в плане с купольным перекрытием — пока трудно. Круглые склепы представлены единицами, а погребальные домики со ступенчатой крышей встречаются в большом количестве повсеместно. Все же сопоставление культовых памятников позволяет признать более древними прямоугольные в плане склепы с двускатной крышей (рис. 4б), видимо, воспроизводящие архаический тип жилища.

Исследователи уже обратили внимание на сходство домусульманских храмов с этими склепами. Рассмотрим это более подробно на примере храма Маги-ерды, возвышающегося близ развалин древнего селения Магыт на гребне горы Загладук. Храм, как и склепы, имеет ступенчатую двускатную крышу и основание, в плане близкое к прямоу-

¹⁷ Г. Я. Мовчан, Камень и дерево в старинном жилище Аварии, «Сов. этнография», № 3, 1969, стр. 54—64.

¹⁸ Наиболее ранние склепы на Северном Кавказе, в том числе с перекрытием в виде ложного свода, обнаружены в Дагестане, их датируют рубежом III — II тыс. до н. э. (см. М. Гаджиев, Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи), Махачкала, 1969, стр. 103, 105). Сказанное отнюдь не означает, что ингушские склепы относятся именно к этому времени. По мнению Л. П. Семенова, полуподземные склепы в могильниках Мохде и Магыт относятся к XI—XIV вв., а наземные — XIV—XV вв. и позже (Л. П. Семенов, Указ. раб., стр. 64).

¹⁹ «Можно думать, — пишет В. И. Марковин, — что в древности на поверхности кладбища (резь идет о могильнике бронзового века — В. Б. и В. К.) выступали верхние камни склепов» (В. И. Марковин, Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне, «Древности Чечено-Ингушетии», М., 1963, стр. 107).

гольнику. Он разделен арочной перегородкой на две части. Такие же перегородки встречаются и в склепах. Внутри и снаружи стены Маги-ерды имеют небольшие ниши. Внутри здания многие из них (об этом можно судить по их симметричному расположению и очертаниям обмазки) в прошлом служили пазами для деревянных балок, девять таких балок целы и сейчас. Вне зависимости от их назначения — конструктивного, бытового или культового — подобные балки есть и в склепах, где они обычно поддерживают деревянные нары для покойников. Не все ниши Маги-ерды предназначались для крепления балок, некоторые из них (например у дальнего от двери окна) могли использоваться как вместилища для каких-то предметов. Это ритуальное назначение ниш присуще и склепам: здесь в ниши ставили деревянные миски и глиняные кувшины с пищей для покойников. С внешней стороны стен Маги-ерды ниши также повторяют традицию, соблюдавшуюся при строительстве склепов: в кладке многих погребальных домиков оставлены точно такие же выемы над лазом или сбоку от него. Это сходство построек, на наш взгляд, происходит от того, что ингушские святилища развились из склепов (а отнюдь не из христианских храмов, как полагают Л. П. Семенов и И. П. Щерблюкин²⁰).

Этот наш вывод подтверждается существованием так называемых «склепов с поминальной камерой», святилищ, представляющих собой как бы переходную форму от склепов к храмам. Эти святилища похожи на прямоугольные в плане склепы с двускатной крышей, но в отличие от них имеют высокий цоколь и обширную камеру над ним, открытую со стороны фасада. Пол камеры выложен огромными плоскими плитами, вдоль стен тянутся каменные лавки. В цоколе, под камерой, находится склеп с нарами для покойников. Даже если (вслед за Л. П. Семеновым) называть это сооружение «склепом с поминальной камерой», то необходимо подчеркнуть, что склеп этот необычен — уж очень роскошна в нем «поминальная камера». Очевидно, обрядам, совершавшимся здесь, придавалось более важное значение, чем простым поминкам. Особенно ясно чувствуется это в святилище селения Хамхи. Здесь половина плит пола камеры лежит на скале, и поэтому склеп очень мал — немногим более полутора метров в длину и ширину. Он занимает лишь то пространство в цоколе, куда не доходит скала. Если бы строители считали своей главной задачей сооружение усыпальницы, они продолжили бы склеп в глубь скалы, вырубив ее, или возвели бы всю постройку в другом, более удобном для этой цели месте. Больше того, по сведениям Л. П. Семенова, несколько десятилетий назад склеп вообще был признан неуместным в этом святилище, и человеческие останки были перенесены из него в другое место, а цокольное помещение вычищено и заново оцементировано²¹. Этот факт прекрасно показывает, как святилище, выросшее в буквальном смысле слова из склепа, освобождается затем от погребальной камеры и становится только местом культовых церемоний. Л. П. Семенов и сам склоняется к выводу, что описываемый склеп следует отнести скорее к разряду святилищ. Об этом же свидетельствуют и рассказы местных жителей. Так, столетний Шадиев Ляда (уроженец селения Хамхи) слышал в молодости рассказы стариков о ритуальных трапезах, совершавшихся в этом домусульманском капище во время языческих празднеств. Признаком святилища являются, видимо, и загадочные знаки, высеченные на одной из каменных лавок: четыре ряда черточек, с одним или двумя крестами посреди-

²⁰ Л. П. Семенов, Эволюция ингушских святилищ, «Труды секции археологии Ин-та археологии и искусствознания», РАНИОН, т. IV, М., 1928; его же, Археологические и этнографические разыскания..., стр. 40; И. П. Щерблюкин, Архитектура ингушских святилищ, «Изв. ингушского научно-исследовательского ин-та краеведения» вып. 2—3, Владикавказ, 1930, стр. 411.

²¹ Л. П. Семенов, Археологические и этнографические разыскания..., стр. 29.

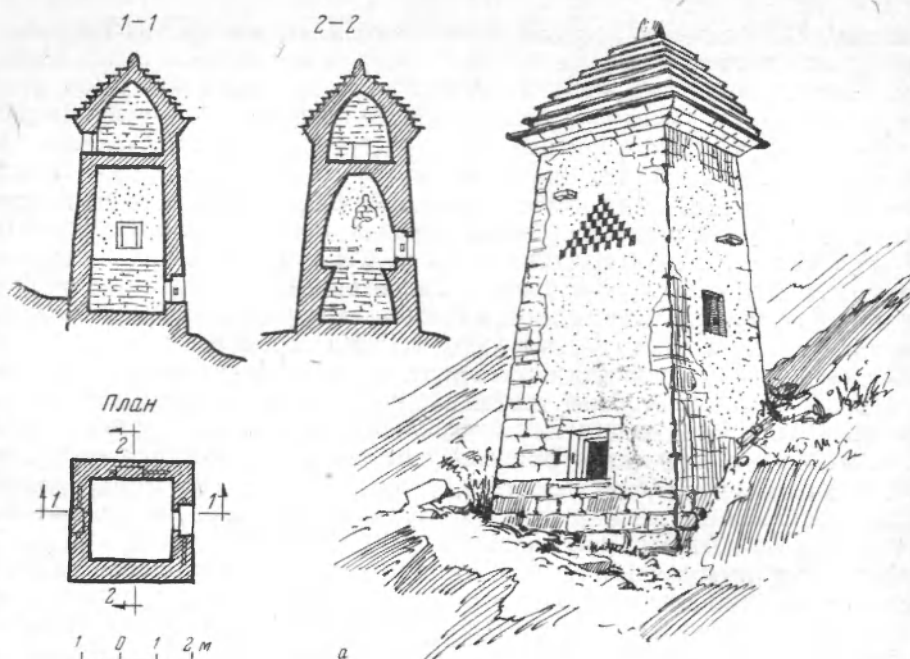

Рис. 4а. Типы ингушских склепов (таблица): а) склеп башенного типа в сел. Эгикал общий вид, план, разрезы (рис. Ю. В. Стеблюка)

не или на одной из сторон. В святилищах аулов Эрзи и Бирк имеется по одному такому камню в лавках, а в Хамхинском — два: один в кладке лавки (на третьей плите слева от входа), а другой в кладке восточной стены. Старожилы имеют смутное представление о назначении этих знаков, считая их связанными с какой-то игрой. Однако скорее всего это календарь, составленный по непонятному пока принципу, которым пользовались для отсчета религиозных празднеств или поминальных дней. Святилища с календарем остаются еще загадкой. Мы не знаем, кому они были посвящены, и почему в них устраивали склепы. Не исключено, что в них погребали людей, которых соплеменники особенно почитали (может быть, жрецов?). Но как бы то ни было, святилища со склепами указывают на то, что у ингушей развитие культовой архитектуры шло от склепа к святилищу. Следовательно, поклонение предкам послужило почвой для формирования более развитых культов; некоторые божества выделились в свое время из среды почитаемых предков. В связи с этим укажем на ингушское предание о чародее Маго — основателе селения Магыт по соседству с храмом Маги-ерды. Напрашивается толкование: «Маги-ерды» — «храм Маго»²².

Почитание предков играло важную роль в верованиях ингушей до распространения ислама. И самое убедительное доказательство этому — склепы. Одна лишь забота о душах предков, без надежды на их покровительство и поддержку, вряд ли могла породить обычай возводить огромные каменные гробницы. Расположения предков пытались добиться и приношением пищи, и различными поминальными ритуалами.

²² Любопытно, что некий культурный герой — змееборец по имени Мустафа Маго — выступает и в фольклоре черноморских шапсугов. См.: Л. И. Лавров, Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г., «Сов. этнография», № 4—5, 1936, стр. 134. Н. Я. Марр возводил божество со сходным именем, известное, в частности, в Закавказье под названием Мугни, к шумерскому мошде — «дракон ночи», см.: Н. Я. Марр, Избр. соч., т. V, Л., 1935, стр. 59.

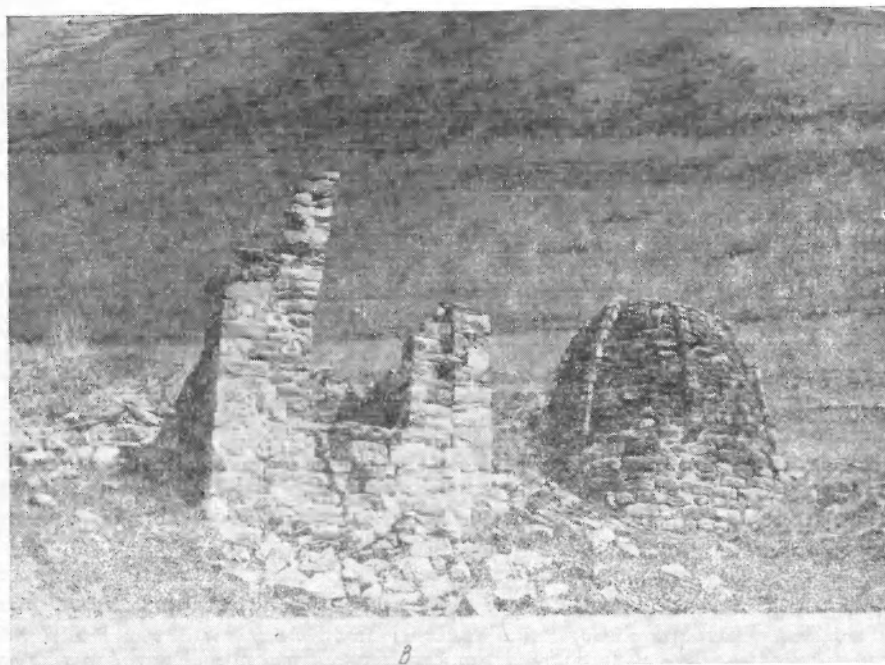

Рис. 4б, в

Типы ингушских склепов: б) склепы прямоугольные в плане со ступенчатой и гладкой кровлей в сел. Бирк; в) склеп круглый в плане с «гуртами» (слева склеп-святилище с поминальной камерой) в сел. Эрзи (фото В. П. Кобычева)

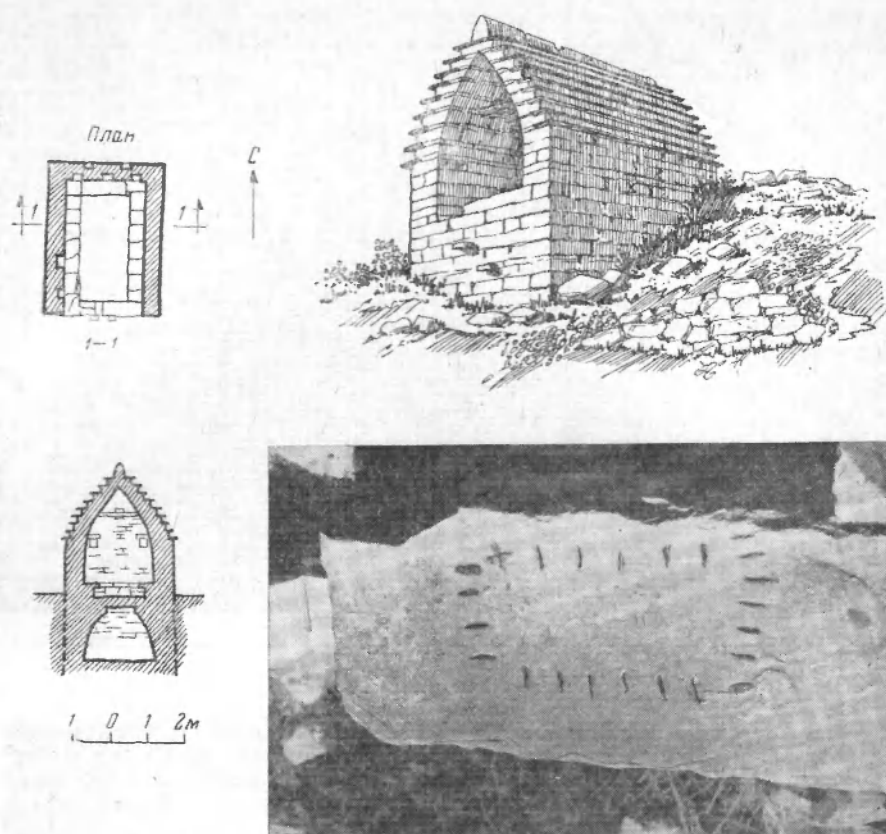

Рис. 5. Склеп-святилище с «поминальной камерой» в сел. Бирк: общий вид, план и разрез (рис. Ю. В. Стеблюка). На врезке «календарь» (фото В. П. Кобычева)

для совершения которых в кладку склепа вмазывали камень с просверленной в нем дыркой (или два камня, соединенные под углом так, что между ними оставалось отверстие).

Культовые памятники могут пролить некоторый свет и на историю христианства в Ингушетии. По наиболее распространенному мнению ингуши знали христианство, но впоследствии оно пришло у них в упадок, уступив место древним верованиям. Народные предания и такие памятники христианства, как знаменитый храм Тхаба-ерды, делают эту точку зрения весьма правдоподобной, собранные нами материалы тоже не противоречат этому. Действительно, в восточной части храма Маги-ерды стоит алтарь. Два расположенных один против другого выема у самой арочной перегородки, видимо, служили для крепления иконостаса или царских врат. Эти детали, как и одно из названий святилища — «Маги-джар» (джар — ингушск. 'крест'), позволяют считать храм христианским. Вместе с тем внимательное ознакомление с храмом убеждает в том, что он сооружен с учетом древних религиозных традиций ингушей. Речь идет не только о внешнем виде здания, повторяющем облик языческих святилищ. Храм построен с отклонением в 15° от линии восток — запад. Однако архитектор Ю. В. Стеблюк заметил, что стенки квадратного в плане алтаря более строго соответствуют сторонам света. Прямо на восток смотрит и окошко восточной стены, причем оконный проем в ущерб симметрии расположен не посередине стены, а несколько сбоку. Прямая линия, мысленно проведенная через середину алтаря и этот проем, имеет точное направление восток — запад. Да и за-

падная торцовая стена, где сделан вход, построена строго по линии север — юг, отчего соединение ее с боковыми стенами идет под косым углом. Все это означает, что строители хорошо знали, какую ориентацию должен иметь христианский храм, и пытались ее соблюсти. Что же помешало им быть последовательными? Скорее всего, очертания скалы. Южная стена храма возведена вдоль самой кромки обрыва и как бы продолжает скалу. Строители хотели, чтобы их постройка не нарушала, а дополняла то, что уже было создано природой. На крайне бережное отношение ингушских мастеров к участку горы, на котором они возводили храм, указывает и огромный выступ скалы, закрывающий от обзора часть западной (фасадной) стены и почти примыкающий к зданию так, что между ним и дверью храма остается проход размером меньше метра. И внутри храма, в восточной части, мы видим скалу нетронутой. Она выпирает снизу небольшой грядой сразу же за арочной перегородкой и поднимается так, что у восточной стены превышает уровень нынешней поверхности алтаря. Не стесав неровность скалы в алтарной части святилища, строители опять-таки нарушили архитектурные нормы (дальнее от входа окно значительно выше уровня остальных окон храма). Если вспомнить, что при строительстве склепов и жилых сооружений ингуши нередко вырубали большие участки скал, стремление зодчих сохранить каменное окружение и основание храма Маги-ерды покажется необычным. Видимо, скала, на которой возводили храм, была окружена некогда почитанием. Короче, христианский храм построили на языческом священном месте.

О былом распространении христианства в горах Галгая рассказывают и каменные узоры, украшающие стены некоторых жилых и боевых башен и склепов. На боевых башнях чаще всего встречается так называемый крест с «голкофой», широко распространенный в христианской эмблематике средневековья. Однако ингушский крест, обозначенный выемами в кладке, своеобразен — он напоминает фигуру человека с широко раскинутыми руками и ногами. Опираясь на это сходство, отдельные исследователи усматривали в изображении некий антропоморфный языческий символ. Но такая трактовка противоречит народным воззрениям на него, как на «крест» («джор»). А целый ряд изображений обладает особенностями, которые никак нельзя объяснить подобным толкованием. Так, И. М. Попов в статье «Ичкерия» приводит прорисовку одного такого знака на могильной стеле из восточной части Чечни: «ноги» обозначены плавными изогнутыми линиями, соединенными между собой.

На склепах преобладают кресты несколько иных очертаний — с «плечиками», т.е. с опущенными вниз концами верхней перекладины (без «ног» и без «голгофы»). Есть мнение, что это изображение арбалета, но такое толкование вряд ли удачно: арбалет логичнее было бы изображать на боевой башне, а не на склепе. Главное же, что среди крестов с «плечиками» встречаются и соединенные с голгофой. Именно такой крест есть в храме Маги-ерды, что уже само по себе исключает иные объяснения. Крест-«арбалет», так же как и крест с «голкофой» — типичные христианские символы, используемые в качестве оберегов. Как раз поэтому они нанесены на те стены культовых сооружений, которые обращены в сторону важнейших дорог и речных долин.

На ряде жилых и боевых башен, на склепах нередко можно видеть декор, выполненный тем же выемочным способом, но имеющий вид квадратов или ромбов. Обычно он образован четырьмя небольшими нишами, расположенными по сторонам квадратного камня кладки. Если мысленно соединить противоположные ниши между собой, то вновь получится изображение креста, как мы и склонны интерпретировать это украшение. Правомерность нашего толкования подтверждается и тем, что в ряде случаев такой узор повторяется на плоскости стены четырежды, причем таким образом, что возникает изображение еще одного — боль-

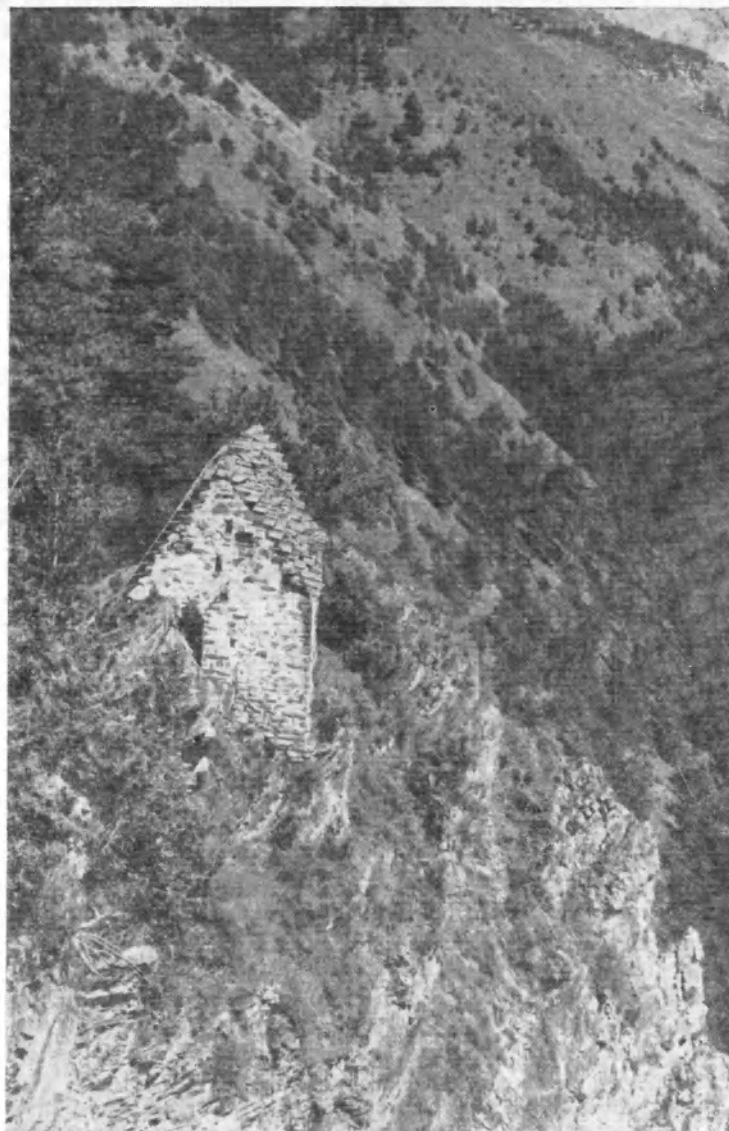

Рис. 6. Храм Маги-ерды в сел. Магыт (Маглт) (фото В. П. Кобычева)

шего — креста, образованного его меньшими подобиями (ср. кресты с поперечными перекладинами на концах в христианской эмблематике). Из других видов орнамента, встречающегося на боевых башнях и склепах, следует упомянуть «ромбы» или «горки» из 9, 10 и 21 клеток. Это в своей основе опять-таки не что иное, как тот же крест, превратившийся в «ромб», и «голгофа», лишенная креста и ставшая треугольником, «горкой». Любопытно, что на двух склепах в селениях Таргим и Цызды «ромб» соединен с «горкой» в сочетании, образующем уже знакомый нам крест с «голгофой». Подобные украшения, состоящие из разрозненных частей некогда единого символа, свидетельствуют о том, что в период строительства сооружений, на которых они встречаются, христианство у ингушей находилось в глубоком упадке и семантика используемых знаков была ими уже забыта.

Более раннюю ступень религиозного мышления отражают петроглифы, выбитые на камнях кладки ряда ингушских жилых и боевых башен. Число их крайне незначительно и заметно уменьшается по мере движения с востока на запад. Так, в долине Армхи нам встретился всего один петроглиф в ауле Эрзи. Рисунок — три дуги, отходящие от круга, — был нанесен на большой каменный блок, перекрывавший вход в жилую башню. Но уже в долине реки Ассы число петроглифов оказалось значительно большим. В селении Таргим на основании одной из боевых башен И. Магомадов обнаружил превосходно выполненный рисунок двоянной спирали с концами, закрученными в противоположные стороны. Другое изображение спирали он нашел на камне среди руин селения Евлой. В селении Хамхи был открыт целый ряд петроглифов — спаренные завитки рогов барана, схематическое изображение козла и некоторые другие фигуры, в том числе, выполненные в технике горельефа. Еще более разнообразные знаки можно увидеть на камнях построек в долине Меши-хи. Здесь встречаются тамгообразные символы, стилизованные изображения «пахотных полей», узоры, состоящие из двух концентрических кругов, соединенных между собой двадцатью двумя наклонно расположенными черточками, с крестиком посередине (сравни с календарем в святилищах со склепами). Имеются и еще более сложные рисунки, где изображены космогонические символы, геометрические фигуры и т. п.

Ингуши давно забыли смысл петроглифов, высеченных на камнях их построек. Камни с рисунками встречаются в самых неожиданных местах — в основаниях башен, в их каменной кладке, на углах и т. д.; т. е. вторичное их использование несомненно. Очевидно, ко времени сооружения сохранившихся башен обычай выбивать знаки уже умер. Что способствовало забвению прежней традиции? Идеологическая борьба, связанная с проникновением христианства? Мы готовы принять такое объяснение, считая, что утвердившийся сравнительно поздно обычай обмазывать стены зданий известковым раствором мог поощряться христианским духовенством. Не случайно декор еще целых сегодня башен и склепов состоит только из узоров, возникших на основе креста.

* * *

В опустевших горах, среди заброшенных развалин становится условной грань между археологом и этнографом. Мы не производили раскопок, но, как и археологи, оказались наедине с безмолвными памятниками седой старины и должны были сами разгадать тот своеобразный язык, которым создания рук человеческих повествуют о своих творцах. Некоторые сведения, запечатленные в особенностях внешнего облика зданий или строительных приемов, поддались расшифровке. Однако до сих пор понятны лишь отдельные указания того уникального исторического документа, который представляют собой в совокупности архитектурные памятники Галгая. И тот, кто извлечет из этого документа новые данные, сделает это не за письменным столом, а на заросших горных тропах, когда он будет идти от одного мертвого селения к другому, чтобы вновь остановиться в восхищении перед величественными творениями ингушских зодчих.